

МАКС ЭЙТИНГОН (1886 – 1943)

На фото – Макс Эйтингон в своем рабочем кабинете в Берлинском институте психоанализа

Макс, (Мордух, Маркус, Марк) Эйтингон (родился 26 июня 1881 года в Могилеве, Российская империя, умер 30 июля 1943 года в Иерусалиме) получил широкое общекультурное и профессиональное образование и практиковал как психоаналитик. В историю психоанализа он вошел как организатор первой психоаналитической амбулаторной поликлиники, затем и на ее базе – первого психоаналитического тренингового института, где занимался разработкой организационных и содержательных аспектов системы профессионального психоаналитического тренинга (знаменитой впоследствии «модели Эйтингона»). С 1918 года – главный спонсор психоанализа и лично Фрейда (фактически с 1918 по 1925 года семья Фрейда была на содержании Эйтингона); на средства, получаемые от семейного бизнеса, Эйтингон финансировал психоаналитические институты, поддерживал работу психоаналитических сообществ, платил стипендии обучающимся аналитикам, издавал психоаналитическую литературу, проводил конгрессы Международной психоаналитической ассоциации (IPA). Был директором Берлинского психоаналитического института, пожизненным главой Тренингового Комитета IPA, с 1925 по 1932 год – президентом IPA. После эмиграции в Палестину (1933) был учредителем Палестинского психоаналитического общества и организатором Психоаналитического института в Иерусалиме, носящего ныне его имя.

Детство в Российской Империи, юность и общее образование в Германии

Макс Эйтингон был старшим сыном богатого русско-австрийско-польского торговца мехами Хаима (Ефима) Эйтингона (1859-1932) и его жены Александры, урожденной Лифшиц (1861-1929). Эта ортодоксальная еврейская семья была частью большого родственного клана, занимавшегося торговлей пушниной. В семье Хаима Эйтингона, помимо Макса, было еще трое более младших детей – Вальдемар, Фанни и Эстер.

В 1882 году Хаим Эйтингон попытался перебраться из Могилева в Москву, но уже год спустя, осенью 1883 года, он открывает филиал семейной фирмы в Лейпциге. Исследователи биографии Макса Эйтингона полагают, что для регистрации в Москве ему не хватило статуса: как всего лишь «купец второй гильдии» он как еврей не смог получить права проживания и ведения бизнеса в Москве и был выслан из «второй столицы» Российской империи.

В итоге Хаим Эйтингон был зарегистрирован как житель Бучача, города в австрийской Галиции, который после Первой мировой войны перешел к Польше, а ныне расположен в Тернопольской области Украины. В 50 километрах от Бучача, кстати, расположен городок Тысменица, родина отца Зигмунда Фрейда – Якоба – и крупный центр мехового производства, которое там развивается до сих пор. Таким образом, Хаим Эйтингон и его семья получили австрийское гражданство, которое затем стало польским. Поселились же они в Лейпциге, где Эйтингон-старший создал крупную фирму по торговле мехами, являющуюся частью широко разветвленной корпоративно-семейной империи, ведущей торговлю между Москвой, Нью-Йорком, Лондоном, Парижем, Стокгольмом и Лодзью; на пике своего развития (с 1926 по 1928 гг.) его предприятие, ставшее к тому времени акционерным обществом, имело годовой оборот 25 миллионов рейхсмарок. Его фирма «Ch. Eitingon Aktiengesellschaft» стала известнейшей в мире пушного бизнеса, а сам Хаим Эйтингон получил прозвище «лейпцигского Ротшильда».

Хаим Эйтингон был известным благотворителем: в 1922 году он основал самую большую в Саксонии синагогу Эз-Хаима (Ez-Chaim-Synagoge in Apels Garten). Вместе с племянником Мотти Эйтингоном, возглавившим американский филиал фирмы в Нью-Йорке, он создал «Фонд израильтского госпиталя Эйтингона» и профинансировал строительство этого госпиталя, оборудованного по последнему слову техники (1928 г.).

Макс Эйтингон по состоянию здоровья (он сильно заикался) не смог получить среднего образования: в лейпцигской гимназии он проучился лишь два года, закончив обучение экстерном. Тем не менее, с условным допуском к занятиям, в 18 лет он начал изучать историю, философию культуры и искусство в университетах Лейпцига и Галля, а зимой 1902 года перебрался в Гейдельберг, где в течение года посещал занятия на медицинском факультете. После обучения в Марбурге (до зимнего семестра 1903/04), где он совмещал медицинскую подготовку с изучением философии неокантианства у самого Германа Когена, Макс перешел на медицинский факультет Цюрихского университета, где специализировался в области психиатрии.

В Цюрихе Эйтингон познакомился и подружился с Анной Смелянской¹, студенткой медицинского факультета из России. Макс сделал Анне предложение, но она отказалась быть его женой, поскольку страдала наследственным заболеванием, которое неизбежно приводило к слепоте. Позднее та же Анна Смелянская познакомит Макса со своей подругой Миррой Буровской, которая станет его женой (см. ниже). Анна Смелянская и Макс Эйтингон были связаны друг с другом на всю жизнь – вместе работали в Берлинской психоаналитической поликлинике в 20-е годы, вместе начинали развивать психоанализ в Палестине в 30-е...

Первое знакомство с психоанализом

В 1906-1908 годах Эйтингон стажировался в качестве «суб-ассистента» (по нынешнему – «интерна») в психиатрической клинике цюрихского университета («Бургхольцли»), где познакомился с директором клиники Ойгеном Блейлером, старшим врачом Карлом Юнгом и его ассистентом Карлом Абрахамом. Эта небольшая группа врачей-психиатров как раз в это время начала попытки освоения и применения на практике фрейдовского

---

¹ Анна Смелянская (1879-1961), психоаналитик, одна из пионеров психоаналитического движения. Родилась на Украине, окончила экстерном гимназию в Одессе, изучала медицину в Берне и Цюрихе. В 1920 году стала первым ассистентом в психоаналитической поликлинике при организованном Эйтингоном Берлинском институте психоанализа. После прихода Гитлера к власти эмигрировала в Палестину и в 1933 году была вместе с Эйтингоном и Вульфом соучредительницей психоаналитического общества в Палестине (Chewrah Psychoanalytith b'Erez-Israel). Анна страдала атрофией сетчатки глаз и рано ослепла, но этот ее физический недостаток компенсировался ее способностью к эмоциональной эмпатии, к улавливанию тончайших нюансов психического состояния пациентов. До конца своих дней она вела обширную психоаналитическую практику.

психоанализа. Макс Эйтингон заинтересовался новым методом психотерапии и в конце 1906 года написал Зигмунду Фрейду письмо с просьбой провести консультации по поводу тяжелого заболевания девушки из России, в лечении которой он был лично заинтересован (с этого письма началась их переписка, продолжавшаяся до самой фрейдовской смерти). Фрейд согласился, и Эйтингон сопровождал молодую женщину в Вену в январе 1907 года. В тот приезд он пробыл в Вене почти две недели – провел несколько вечеров с Фрейдом, дважды принимал участие в собраниях Общества фрейдовских сред (по свидетельству Э.Джонса Эйтингон стал первым «иностранным гостем» этого собрания венских психоаналитиков; следующими «гостями» в марте 1907 года стали К.Г.Юнг и Л.Бинсвангер). В сентябре 1907 года Фрейд и Эйтингон случайно встретились во Флоренции и договорились совершить трехчасовую вечернюю прогулку по Риму. Впоследствии их совместные прогулки станут традиционными и в итоге будут «засчитаны» Эйтингону как первый в истории «дидактический анализ».

Отношения с цюрихскими коллегами у Эйтингона-студента отнюдь не были безоблачными. Об этом говорит хотя бы его упоминание в переписке Фрейда с Юнгом. 19 сентября 1907 года из Рима Фрейд пишет Юнгу: «Эйтингон, с которым я повстречался во Флоренции, теперь здесь и, вероятно, скоро навестит меня... Похоже, он снова увлекся какой-то женщиной. Такая практика отпугивает от теории...». Ответ Юнга поражает своей резкостью: «Я считаю Эйтингона совершенно бессильным болтуном – как только это жестокое суждение сорвалось с моих губ, я понял, что завидую его свободной абреакции полигамного инстинкта. Поэтому я беру назад слово «бессильный» как излишне компрометирующее. Он, конечно, никогда ничего не достигнет; однажды он сможет стать членом Думы»... Странная резкость суждений о коллеге, возможно, объясняется тем, что на Макса Юнг смотрел глазами своей пациентки, анализандки и любовницы Сабины Шпильрейн, которая входила в группу студентов из России, стажировавшихся тогда в клинике Бюргхольцли; в нее входили Фаня Шалевская, Макс Эйтингон, Эсфирь Аптекман, Татьяна Розенталь и Сабина Шпильрейн. А уж что там у них было, что вызвало такую неприязнь – теперь уже не выяснишь. Но не случайно в том же письме и сразу после уничижительного пассажа об Эйтингоне Юнг пишет о д-ре Гроссе, который через практику сексуальных связей с пациентками, называемой им «сексуальным коротким замыканием невротичности», «быстро кладет конец переносу, делая людей сексуально аморальными». Да и сама открытая

«полигамность» Эйтингона явно раздражала Юнга с его тайной «полигамностью». А может прав А.Эткинд, предположивший в «Эросе невозможного», что Юнг, материально зависящий от жены, завидовал финансовой свободе Эйтингона. Закончить описание этого эпизода можно фразой из того же юнговского письма: «Все равно в мировом супе всегда должно быть немного мух»...

К Эйтингону и впоследствии, в период его несомненно продуктивной деятельности на ниве психоанализа, коллеги относились странным образом амбивалентно. Так, по сообщению А.Эткинда, в своих неопубликованных мемуарах Шандор Радо, соратник Эйтингона по Берлинскому психоаналитическому обществу и психоаналитическому институту, писал о нем весьма странно: «Эйтингон был человеком с блестящим философским образованием, необыкновенно сдержанный, хорошо организованный. Он делал из Фрейда идола... Этот человек не написал в своей жизни ни одной клинической статьи, вообще ничего, кроме общих речей. Он организовывал. Это означало, что появлялось его имя, а дело делали другие. Но не поймите меня неправильно. Он был человеком редкой целостности». Не хотелось бы предполагать, что и в данном случае, и в массе ему подобных, работала логика пословицы «Все добрые дела наказуемы» – ведь Макс Эйтингон был активным и единственным спонсором послевоенного психоанализа, а все эти институты и поликлиники строились и работали благодаря его жертвованиям. Тот же Ш.Радо в тех же мемуарах открыто пишет, что именно «Эйтингон платил каждую копейку, которая тратилась (Берлинским психоаналитическим) институтом...».

В 1909 году Макс Эйтингон завершил учебу, одновременно с Татьяной Розенталь защитив докторскую работу о влиянии припадков на ассоциации эпилептиков («*Über die Wirkung des Anfalls auf die Assoziationen der Epileptischen*»); руководил его исследованиями все тот же К.Г.Юнг. В сентябре 1909 года он посетил Россию, надеясь получить российское гражданство и остаться работать на Родине, получив благодаря своей докторской степени право на врачебную практику. Но этим его надеждам не суждено было сбыться.

В октябре-ноябре того же года, прежде чем отправиться в клинику Германа Оппенгейма в Берлине на неврологическое обучение, Эйтингон провел

несколько недель в Вене, где посетил Фрейда, участвовал в собрании Венского психоаналитического общества и даже прочитал лекцию на университетском семинаре Фрейда. Для Фрейда, который в то время работал над своей книгой о Леонардо, Макс Эйтингон, человек высокообразованный, сведущий в истории искусства, был желанным собеседником. Таким образом Эйтингон приобрел опыт «личного анализа», который состоялся в ходе послеобеденных прогулок с Фрейдом по Венскому Рингу. Эрнест Джонс, также неоднократно «гулявший с Фрейдом», так писал об этой процедуре в своей книге о Фрейде: «Таким было первое обучение анализу! Я помню ускоренный темп ходьбы и быстрый неудержимый поток речи на таких прогулках. Быстрая ходьба использовалась Фрейдом для стимуляции потока мыслей, однако его спутник задыхался и предпочел бы сделать передышку, чтобы переварить мысли Фрейда».

Зигмунд Фрейд особо ценил отношение Эйтингона и к психоанализу, и к себе лично. В своем письме Эйтингону от 24 января 1922 года он написал такие слова: «Ваши жертвы становятся для меня все более и более ценными, и Вы сами должны решить – когда они для Вас станут обременительны... Вы были первым из всех, кто пришел к одинокому человеку, и будете последним, оставившим его... Это Ваша судьба, которую Вы выбрали сами...».

С Карлом Абрахамом Эйтингон был близок еще со времени стажировки в Цюрихе. Тем не менее нет данных о его участии в организации Берлинской психоаналитической ассоциации, созданной Абрахамом в 1908 году. В эти годы Эйтингон больше увлекался сионизмом, даже ездил в 1910 году в Палестину, где собирался начать свою психоаналитическую практику, но в тот раз отказался от такого замысла.

Мирра

О супруге Макса Эйтингона Мирре Яковлевне Буровской (1877-1947; по первому браку – Бродской, по второму – Харитон) можно было бы написать целую книгу. Ее биография не менее романтична и полна событиями, чем у всем известной Марии («Муры») Закревской. Парадоксальным образом не было никого, столь же ненавидимого всеми психоаналитиками, включая Фрейда, как Мирра; и не было никого, по крайней мере из женщин, кто так много сделал бы для психоаналитического движения, как она, постоянно и

решительно поддерживавшая своего мужа в его жертвенном служении Фрейду и психоанализу. Она была столь яркой фигурой, что на ее фоне биографы совершенно игнорируют тот факт, что это был второй брак Эйтингона, что у него была и другая жена, с которой они расстались еще в период его студенческих исканий, когда он разрывался между философией и медициной, сумев в итоге совместить, подобно Фрейду, обе эти страсти в психоанализе.

На фото – Мирра Эйтингон

Макс и Мирра были связаны глубокой любовью. Для него жена была «миром» и «миром» (рус. «Мир» и «Мір»). Он назвал ее «Мирр». Мирра была немного старше Макса, невысокого роста, с высоко уложенными волосами, живая и энергичная. Она любила изысканно одеваться и была известна своими литературными и светскими вечерами, которые она устраивала в берлинском особняке Эйтингонов.

Родилась Мирра в Краснодаре, в купеческой семье, которая после революции и гибели отца переехала в Париж, где и проживали сестры Мирры с их семьями, а также их мама – София Абрамовна.

Мирра с молодости привыкла к богатству и роскоши. Ее первым мужем стал молодой человек из клана Бродских, богатейших южнороссийских сахарозаводчиков и филантропов. В этом браке Мирра родила сына Виктора, но рассталась с мужем, оставив сына ему. Судьба Виктора, бывшего одаренным художником, которого Эйтингон пытался разыскать в 20-е годы, осталась тайной; по некоторым данным он жил в Баку и через Турцию эмигрировал в США.

После расставания с Бродским Мирра вышла замуж за известного юриста и журналиста Бориса Иосифовича Харитона – видного кадета, главного редактора газеты «Речь». В этом браке в 1904 году родился сын Юлий, впоследствии – выдающийся физик-теоретик, академик, трижды Герой социалистического труда, один из руководителей советского «ядерного проекта». В 1907 году Мирра, увлекшись театром, бросила и этого мужа (после громкого скандала, когда он, застав ее наедине с антрепренером Осипом Дымовым, четырежды в него выстрелил, но ни разу не попал), оставив сына ему на воспитание. Судьба Бориса Харитона и трагична, и одновременно типична для оппозиционно настроенного к любым властям интеллигента той эпохи: после прихода к власти большевиков его как критика режима на знаменитом «философском пароходе» высылают из страны; после долгих мытарств и скитаний по Европе он оседает в итоге в Риге, а после вхождения Латвии в состав СССР его арестовывают. Умер второй муж Мирры в лагере в 1942 году.

Под псевдонимом «Лидия Биренс» Мирра в 1906 году начинает театральную карьеру, от подмосковных летних площадок под открытым небом дойдя до статуса ведущей актрисы Императорского Малого театра, а затем – знаменитого Московского художественного театра, куда ее пригласил сам Станиславский. Наиболее известно исполнение ею главной роли в «Синей птице» Метерлинка.

Но долго играть роли своего амплуа – героини-подростка («инженю») – Мирра не могла. В итоге в 1909 году ее контракт в МХТ не был продлен; страдая от депрессии и заболев туберкулезом, она решила поехать в Швейцарию на лечение. И там, в Цюрихе, ее подруга Анна Смелянская познакомила ее с молодым новоиспеченным врачом – Максом Эйтинггоном, который искал тогда возможности вернуться в Россию и начать там медицинскую практику. Вряд ли он ей понравился – застенчивый, заторможенный, сильно заикающийся... Да и не до романа ей было: она оплакивала крах своей театральной карьеры и разлуку с сыновьями. После эпизода со стрельбой она, будучи беременной, сделала аборт и выслушала приговор врачей – детей у нее больше не будет.

А вот Макса сразу поразила эта женщина. И хотя она в это время лечилась, поменяв несколько клиник и санаториев в Италии, Австрии и Швейцарии, он начал заочно за нею ухаживать, засыпав ее письмами, цветами и подарками.

Только весной 1912 года она наконец согласилась снова встретиться с ним; а через год – 20 апреля 1913 года – они поженились.

Друзья и коллеги Макса не приняли Мирру и близкие дружеские отношения Эйтингона с тем же Абрахамом были навсегда прерваны, хотя в профессиональном плане они были всегда едины. Фрейд также невзлюбил Мирру, поскольку она занимала большую часть внимания Макса Эйтингона, отрывая его от всех иных занятий. В частности, он много времени проводил с нею на южных морских курортах, в чем она нуждалась по состоянию здоровья, так что был в весьма ограниченной степени доступен для участия в работе психоаналитического сообщества и исполнения планов Фрейда. Что оценивалось коллегами негативно, поскольку в предвоенные годы шло активное формирование международного психоаналитического движения, начались дискуссии и расколы (выход из IPA цюрихской группы Юнга и венской группы Адлера-Штекеля), так что каждый преданный Фрейду соратник был на счету.

В 1914 году началась война и Эйтингон пошел добровольцем на военную службу, поступив в австрийскую армию в качестве военного врача. Мирра последовала за ним в качестве медсестры. Большую часть войны они прослужили вместе в венгерском госпитале, где лечились те, кто воевал на Восточном фронте. Его успехи в гипнотическом лечении обсессивно-компульсивных расстройств и военных неврозов были вознаграждены повышением до главного врача отделения военного госпиталя и награждением «Золотым крестом за заслуги перед Коронай».

Макс Эйтингон становится организатором психоаналитического тренинга

Русская революция побудила ту часть семьи Эйтингонов, которая проживала в России, переместить в 1918 году штаб-квартиру своего торгового предприятия в Нью-Йорк. Поскольку сделать это в то время было чрезвычайно сложно, ряд исследователей предполагают, что тут не обошлось без поддержки Макса и без его психоаналитических связей. Точно известно по крайней мере то, что разрешение на выезд из советской России семье было выдано по просьбе Адольфа Иоффе, который в период эмиграции проходил в Вене психоанализ, а в 1918 году был полпредом РСФСР в Германии. К тому же, перебравшись в Штаты, фирма Эйтингонов начала вести процветающую

торговлю мехом именно с Советским Союзом. Американский бизнес семейного предприятия Эйтингонов возглавил Матвей (Мотти) Эйтингон (1883-1956), который был двоюродным братом Макса и одновременно – мужем его сестры Фанни.

1919 год стал поворотным в жизни Макса Эйтингона: благодаря участию в спасении семейного бизнеса он стал обладателем значительных средств (и еще более значительных от того, что долларовые доходы в послевоенной Европе открывали перед их владельцем буквально неограниченные возможности). И эти средства он начал тратить на психоанализ. В роли «генерального спонсора» психоаналитического движения Эйтингон стал преемником фрейдовского пациента – богатого будапештского пивовара (и одновременно – доктора философии) Антона фон Фройнда, который оплачивал издание психоаналитических книг и журналов, а также был готов финансировать первую психоаналитическую поликлинику в Будапеште, но умер от рака в январе 1920 года.

На фото – Макс Эйтингон с кольцом Юпитера

В октябре 1919 года Фрейд лично предложил избрать Макса Эйтингона шестым членом Секретного Комитета, который начал функционировать перед войной, впервые собравшись в 1913 году по инициативе Э.Джонса и Ш.Ференци, но лишь после окончания войны приобрел свое основное значение для Фрейда в административном, научном и, самое главное, в личном плане. В письме к Эйтингону,

объявляющем о его членстве в Комитете, Фрейд писал: «Секретом данного комитета является то, что он снял с меня самую обременительную заботу о будущем, так что я спокойно могу идти своей дорогой до самого конца».

При создании Комитета Зигмунд Фрейд заказал и вручил всем его членам – своим преданным последователям, включая Отто Ранка, Карла Абрахама, Ханса Сакса, Шандора Ференци и Эрнста Джонса, драгоценные кольца с античными геммами из своей коллекции. Эйтингону же при его вхождении в Комитет он подарил свое собственное кольцо с зеленым камнем с изображением головы Юпитера².

На фото – все члены Секретного комитета (1922 г., Конгресс IPA в Берлине)

Эрнест Джонс, с определенной долей ревности относившийся к тем коллегам, которые, как Ференци или Эйтингон, были особо близки с Фрейдом, так описал Эйтингона периода начала 20-х годов: «Эйтингон выделялся тем, что, единственный из психоаналитиков, обладал частными средствами, поэтому имел возможность оказывать щедрую помощь в различных аналитических предприятиях. Он выказывал полную преданность Фрейду, чье малейшее желание или мнение становилось для него решающим. В других случаях он довольно легко поддавался влиянию, так что никогда нельзя было поручиться

---

² В настоящее время это кольцо хранится в Национальном музее Израиля в Иерусалиме.

за его суждения. Он более остро, чем другие, ощущал свое еврейское происхождение ... и был крайне чувствительным к антисемитским предрассудкам».

Макс Эйтингон взял на себя реализацию идеи основания психоаналитической поликлиники (но уже в Берлине) и смог привлечь к этому проекту Карла Абрахама и Эрнста Зиммеля. 14 февраля 1920 года эта клиника была торжественно открыта на Потсдамерштрассе³. Макс Эйтингон также внес разовое пожертвование в размере 5000 долларов в поддержку корпоративного психоаналитического издательства («Internationaler Psychoanalytischer Verlag») и создал фонд для его финансовой поддержки (а в 1921 году стал одним из директоров этого издательства). Среди психоаналитиков того времени в ходу была даже шутливая фраза: «Самые выгодные клиенты для психоанализа – это шкурки старины Эйтингона».

В январе 1922 года Эйтингон был избран секретарем Берлинской психоаналитической ассоциации, возглавляемой Карлом Абрахамом. Совместная работа оказалась настолько успешной, что 23 января 1923 г. Анна Фрейд написала Лу Андреас Саломе: «Я думаю, что Берлинское сообщество намного эффективнее нашего». Уже к концу 1922 года в берлинской психоаналитической поликлинике большую часть дня одновременно вели прием восемь аналитиков (среди них были такие известные впоследствии специалисты как Карен Хорни и Отто Фенихель). Вместе с Эрнстом Зиммелем Эйтингон проводил в поликлинике регулярные учебные курсы по основам психоаналитической теории и клинической практики. Берлинская поликлиника стала своего рода «полигоном» для выработки модели психоаналитической клинической техники, а возглавлявший ее Эйтингон стал главой созданного им комитета Берлинской ассоциации, ответственного за разработку принципов психоаналитического тренинга.

В 1925 году на 9-ом Международном психоаналитическом конгрессе в Бад-Хомбурге президентом IPA был избран Карл Абрахам, а Макс Эйтингон стал не только секретарем IPA, но и председателем Международной комиссии по обучению (позднее – Тренинговый Комитет IPA), а выработанные им

---

³ Здание берлинской психоаналитической поликлиники, где позднее открылся Институт психоанализа, было построено по проекту архитектора Эрнста Фрейда, сына Зигмунда Фрейда; он же проектировал и особняк Эйтингонов на Rauchstrasse 4.

«берлинские руководящие принципы тренинга» были объявлены основой международно признанной модели психоаналитической подготовки. Таким образом, «берлинская модель» или «модель Эйтингона» существенно повлияла на становление международного стандарта психоаналитического обучения. И сегодня, при официальном признании IPA ряда иных моделей тренинга («французской», «уругвайский», «шаттловой», и пр.), «модель Эйтингона» является не только классической, но и наиболее широко распространенной. Хотя поначалу, как пишет Э.Джонс, «это породило новую трудность, когда Эйтингон, став президентом и являясь также председателем данной комиссии, принял точку зрения, в которой его до некоторой степени поддерживали Фрейд и Ференци, что данная комиссия имеет право навязывать одни и те же правила и стандарты повсюду. С этим многие из нас, в особенности американцы, не соглашались».

В дополнение к учебным семинарам и практике «личного анализа», которые и ранее проводились в психоаналитических сообществах (изначально инициатива обязательного «личного анализа» для каждого врача, желающего проводить психоанализ со своими пациентами, исходила от К.Г.Юнга и впервые была реализована в Цюрихском психоаналитическом сообществе), в своей поликлинике, а позднее – в выросшем из нее Берлинском психоаналитическом (тренинговом) институте, Макс Эйтингон ввел процедуру «контрольного анализа» как контролируемого опытным аналитиком лечения, что стало прообразом современной «супервизируемой практики»; кандидаты регулярно докладывали ему о ходе проводимой ими терапии и выслушивали его советы. Основу такой практики заложил Фрейд в 1918 году в статье «Об обучении психоанализу в университетах», написанной им к Будапештскому конгрессу IPA: «...то, что ему [начинающему аналитику] нужно в области теории, может быть получено из литературы по данному предмету и, более глубоко, на научных собраниях психоаналитических обществ, а также в личном контакте с их более опытными членами. Что касается практического опыта, то помимо того, что он получает от своего личного анализа, он может получить, проводя терапию, при условии, что может получить супервизирование и руководство от признанных сообществом психоаналитиков». Тогда же, на Конгрессе в Будапеште, Фрейд в своем докладе, посвященном будущему психоаналитической психотерапии и ее отличиях от психоанализа, сформулировал требование того, чтобы прием больных в психоаналитических поликлиниках, являющихся по суди не

лечебными учреждениями, а площадками для психоаналитического тренинга, был бесплатным.

Реализуя эти фрейдовские идеи на практике, Эйтингон настаивал на том, чтобы подобного рода «контрольный анализ» обязательно осуществлялся не тем психоаналитиком, который проводил или проводит «личный анализ» кандидата. Позднее и Фрейд, и Эйтингон, эту связку теоретического обучения, «личного анализа» и супервизирования клинической практики обосновали как единую процедуру «непрерывного психоаналитического тренинга», в которые должны быть вовлечены не только начинающие аналитики, но все члены профессиональных психоаналитических сообществ. В работе «Анализ конечный и бесконечный» (1937) Зигмунд Фрейд сформулировал весьма четкую формулу на этот счет: «Каждый аналитик должен периодически, примерно через пять лет, снова становиться объектом анализа».

В 1922 году, в своем докладе о работе психоаналитической поликлиники на Берлинском Конгрессе IPA, Эйтингон сформулировал это требование следующим образом: «Мы все твердо убеждены в том, что отныне никто, не прошедший анализ, не должен претендовать на звание практикующего аналитика. Отсюда следует, что анализ самого студента является неотъемлемой частью учебной программы и проводится в поликлинике во второй половине периода обучения, после периода интенсивной теоретической подготовки в виде лекций и учебных курсов».

В 1923 году психоаналитическая поликлиника была преобразована в Берлинский психоаналитический институт, директором которого стал Макс Эйтингон. Все расходы этого института, начиная с постройки и содержания здания и заканчивая оплатой работы специалистов он нес за собственный счет.

После неожиданной смерти Карла Абрахама 25 декабря 1925 г. в Берлинской психоаналитической ассоциации вспыхнули «схватки диадохов». Достойного преемника Абрахама на пост главы данного общества, им созданного и бессменно возглавляемого, найти было не просто. Макс Эйтингон отказался его возглавить, потому что он как секретарь Международной психоаналитической ассоциации стал исполнять обязанности ее президента, которым тогда как раз и был Абрахам (а на посту секретаря IPA Эйтингона сменила Анна Фрейд, сохранившая, кстати, за собой эту позицию до самой своей смерти в 1982 году), а в Берлине был и главой учебного комитета, и

директором Института, и директором психоаналитического издательства. По итогам споров и компромиссов ассоциация была преобразована в Германское психоаналитическое общества (DPG), в которое вошли самостоятельные психоаналитические группы из Франкфурта, Лейпцига, Гамбурга и Берлина. Штаб-квартирой нового Общества стал Берлинский институт психоанализа, возглавленный Максом Эйтинггоном. Главой же нового сообщества стал Эрнст Зиммель (секретарем – Шандор Радо, казначеем – Карен Хорни). Но с 1930 года обязанности главы Германского психоаналитического общества все же были возложены на Макса Эйтингона, а Зиммель сосредоточился на руководстве работой основанного им психоаналитического санатория для неимущих пациентов.

В 1927 году на 10-м Конгрессе в Инсбруке (Австрия) Макс Эйтингон был избран президентом IPA. Вот как пишет об этом Э.Джонс: «Мы не были уверены в том, согласится ли Эйтингон на этот обременительный пост, который, помимо прочего, помешает его привычке совершать длительные зарубежные поездки в разное время года. Однако он не только выразил свою готовность занять данный пост, но также с этого времени проявлял высокое чувство ответственности, которое для многих стало до некоторой степени неожиданностью».

Впервые Эйтингон сам заявил о своей претензии на руководящую должность, выйдя за рамки своей обычной позиции «скромного работника на службе у общего дела». Президентство в тот период требовало высокого уровня дипломатического искусства для сглаживания противоречий между Фрейдом и Нью-Йоркским психоаналитическим обществом. Фрейд хотел закрепить психоаналитическое обучение как универсальную процедуру, пройдя которую кандидаты, не являющиеся врачами, также могли стать аналитиками. Напротив, Нью-Йоркское общество требовало от своих членов исключительно медицинской и психиатрической подготовки. Хотя Эйтингон был верен Фрейду в отношении допущения практики психоанализа «непрофессионалами», при своем избрании на Конгрессе в Инсбруке он представил резолюцию, в которой решительно отстаивал обязательность степени доктора медицины для кандидатов на психоаналитическое обучение.

Отношения с Фрейдом

О характере их отношений может дать представление фрейдовское письмо, адресованное Эйтингону в ознаменование 15-летнего юбилея их знакомства (в 1922 г.): «В течение многих лет я видел Ваши попытки стать ближе ко мне, но держал Вас на расстоянии. Лишь после того, как Вы выразили в столь трогательных словах свое желание принадлежать к моей семье — в самом узком смысле — я позволил себе вернуться к доверчивости своих молодых лет, принял Вас и позволил Вам предоставлять мне самые разнообразные услуги, возлагать на Вас самые разнообразные задачи... Я предполагаю, что наши отношения, которые развились от дружеских до отношений отца и сына, продлятся до конца моих дней».

В конце 1923 года у Фрейда был диагностирован рак неба, и он перенес серьезную операцию по удалению верхней правой челюсти и неба. Макс Эйтингон активно участвовал в уговорах Фрейда согласиться на такую операцию. Он так сопереживал Фрейду, что и сам в декабре 1923 года слег с тяжелейшим воспалением лицевого нерва со смещением лицевых мышц. Ему даже пришлось надолго прекратить свою психоаналитическую работу, но он продолжал переписку с Фрейдом с обычной регулярностью.

В 1931 году, в день 50-летия Макса Эйтингона, Фрейд поздравил его такими вот словами: «Пусть я говорю это не часто, но я никогда не забываю того, что ты в своей спокойной и вместе с тем неотразимой манере сделал за эти годы после основания образцового Берлинского института для нашего дела, которое является безгранично и твоим. Никто, кроме меня, не знает этого, и никто, наверное, за это тебя не поблагодарит. И все же не было столь трудной и неблагодарной задачи, которую бы ты в годы своего президентства не взял на себя и которую бы благополучно не выполнил». После разрыва с Флиссом только Макса Эйтингона Фрейд в письмах называл по имени и на «ты».

Роль Эйтингона в психоаналитическом движении

Гиперинфляция в Веймарской республике между 1922 и 1923 годами резко увеличила стоимость семейного бизнеса Эйтингонов, так что Макс Эйтингон смог профинансировать открытие психоаналитической амбулаторной поликлиники с годовым бюджетом в размере 16000–17000 рейхсмарок. Однако его финансовые вливания не освобождали членов Берлинской психоаналитической ассоциации от солидарной ответственности. Их личные взносы и отчисления от гонораров, получаемых от платных пациентов, составляли в разные годы от трети до четверти общего бюджета поликлиники и института.

Эйтингон был не просто спонсором, но и организатором первой в мире подобного рода психоаналитической амбулаторной поликлиники, в которой практиковались психоаналитические методы лечения, проводился учебный курс по клиническому психоанализу и велись исследования психоаналитической процедуры. Он также разработал программу психоаналитического тренинга («учебного анализа», которая впервые включала в себя триаду обучения, личного анализа и супевизирования практики кандидата. Тренинг по Эйтингону объединил терапию, исследования и обучение в рамках единого процесса.

В 1921 году Макс Эйтингон присоединился к Международному психоаналитическому издательству, став одним из его директоров и поддерживая его финансово, при этом старясь, чтобы его огромные по тем временам пожертвования были известны лишь узкому кругу коллег.

Своей щедростью Макс Эйтингон поддерживал уверенность Фрейда в возможности «аналитической психотерапии для простых людей», которую основоположник психоанализа в своем докладе на 5-ом Конгрессе IPA в Будапеште (1918), посвященном дальнейшим путям психоанализа как терапии, описывал не просто как бесплатную, но и как связанную с материальной поддержкой малоимущих пациентов. С другой стороны благотворительность и филантропия были семейной традицией Эйтингонов.

С началом мирового финансового кризиса конца 20-х годов доходы семейного бизнеса резко упали, но Эйтингон не прекратил пожертвования в адрес психоаналитических проектов и стипендиального фонда Института психоанализа, задействовав иные источники средств (гонорары от своих

пациентов, арендные платежи, доходы от учебных курсов, и пр.). В начале 30-х годов Эйтингон был вынужден отказаться от финансовой поддержки психоаналитического издательства и даже был официально объявлен одним из должников по членским взносам (!) в Германское психоаналитическое общество.

Фрейд в 1932 году, желая помочь другу, попавшему в тяжелое финансовое положение, не только призвал членов IPA перевести содержание издательства на принцип корпоративного финансирования, но и от себя предложил Эйтингону финансовую поддержку в размере 1000 долларов.

Берлинский салон Эйтингонов

После войны, в начале 1920-х годов, Германия стала основным местом концентрации беженцев из России. Октябрьская революция, голод и гражданская война были причинами массовой эмиграции; в эти годы в Берлине насчитывалось более 400 000 подобного рода изгнанников.

Эйтингон с готовностью помогал художникам, писателям, философам, певцам и актрисам, беженцам из России, которые регулярно посещали его дом в качестве гостей. Своим личным девизом он избрал надпись на приобретенном им портрете кисти итальянского художника Джованни Батта Морони (1563 г.): «*Et quid volo, nisi ut ardeat*» («Я сделаю все, чтобы этот огонь не потух»).

На фото – Особняк Эйтингонов

В начале мая 1921 году Мирра и Макс поселились в прекрасном двухэтажном особняке, построенном по проекту Эрнста Фрейда, где прожили до 1928 года, когда финансовые затруднения заставили их продать этот дом и найти себе жилище поскромнее. Весь второй этаж дома был зарезервирован для гостей (там даже была отдельные апартаменты для Зигмунда Фрейда, в которых тот,

правда, жил всего один раз – в 1922 году в период Берлинского конгресса IPA). Именно Фрейд сделал первую запись в книге гостей дома Эйтингонов: «Я не могу описать гостеприимство этого дома, поскольку я жил тут не как гость, а как отец среди любящих его детей». Подчеркивая гостеприимство Эйтингонов, в берлинском доме которых все время кто-то гостил, Анна Фрейд в письмах к отцу даже называла их дом - «Hotel Eitingon». Анна была частым гостем в доме Эйтингона, поскольку собиралась начать в Берлине свою психоаналитическую практику и начать работать в Берлинской поликлинике. С одной стороны, Эйтингон поддерживал ее стремление к большей независимости от венской окружения, но с другой – он отклонил ее просьбу стать членом Берлинской психоаналитической ассоциации, поскольку она еще не могла сделать самостоятельный доклад, а хотела зачитать сделанный ею перевод англоязычной статьи. Для Эйтингона, свободно владевшего семью языками, подобного рода «достижение» не являлось достаточным для принятия в члены психоаналитического сообщества. А затем Фрейд заболел раком, ему потребовался уход и Анна была вынуждена остаться в Вене

Берлинский дом Эйтингонов был одним из центров духовной жизни Берлина, местом общения научной и художественной элиты, включая представителей русской эмиграции; Мирра блистала в качестве гостеприимной хозяйки, а Макс играл роль мецената, материально поддерживающего различные творческие проекты, а нередко и лично тех, кто их осуществлял.

Вечера в доме Макса и Мирры Эйтингонов привлекали множество гостей; вот что о них писала Анна Фрейд в письме к Лу Андреас-Саломе: «... там пропадала вся эта смесь беспокойства, нехватки времени, тесноты, истощения и усталости, которую я так часто замечала в Эйтингоне; и как бы плохо ни было где-то еще, там – в его доме – все и всегда было прекрасно». Лу часто и подолгу жила у Эйтингонов, компенсируя этим свою ностальгию по России. Из известных психоаналитиков частым гостем Мирры и Маска был Теодор Райк.

Особо близок Макс Эйтингон был с философом Львом Исааковичем Шестовым (1866–1938), который жил в изгнании в Париже и с которым Эйтингон дружил до самой его смерти. Сестра философа, Фаня Исааковна Ловцкая, которая их и познакомила, была анализандкой Эйтингона и стала впоследствии известным германским и швейцарским психоаналитиком, автором философско-психоаналитических исследований, посвященных Ганди, Толстому, Кьеркегору. Эйтингон часто навещал Льва Шестова в

Париже, а также поддерживал его материально. В 2014 году издательство «Водолей» опубликовало их переписку: «Исцеление для неисцелимых. Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона».

Часто бывали в «салоне Мирры» философ Михаил Гершензон, драматург Луиджи Пиранделло, композиторы Рудольф Рети и Леопольд Годовский, и др.

Трудное прощание с Берлином

Ухудшающаяся политическая ситуация, в особенности – все шире распространяющийся и все более агрессивный антисемитизм, в начале 1930-х годов вызвали первую волну эмиграции ведущих европейских (и прежде всего – германских) психоаналитиков, за которой последовали все новые и новые «исходы». Франц Александр, Ганс Сакс, Шандор Радо и Карен Хорни уехали из Берлина в Америку. Эйтингону особенно не хватало Радо, которого вряд ли можно было заменить на посту редактора «International Magazine» и «Imago». В 1933 году Эйтингон подал в отставку с поста президента IPA. Здоровье его было подорвано, в 1932 году он перенес инсульт, левая часть его тела была частично парализована. По случаю «ариизации» Правления Германского психоаналитического общества (DPG), которое состояло из трех евреев – Эйтингона, Зиммеля и Фенихеля, ему пришлось санкционировать кооптацию в состав Правления двух «арийских» коллег – Феликса Бёма и Карла Мюллера-Брауншвейга.

Но все же Эйтингон сопротивлялся все нарастающему давлению, следуя совету из фрейдовского письма, полученного им в марте 1933 года: «В качестве лозунга я хотел бы использовать такой: никаких провокаций, но еще меньше уступок...». Ему удалось добиться того, что при первом голосовании по «ариизации» Правления Германского общества, которое прошло прямо в 77-й день рождения Фрейда (6 мая 1933 г.), большинство коллег все же решило в пользу Эйтингона в качестве его председателя. И все же он был освобожден от этой должности 18 ноября 1933 года. Через три дня после изменения состава Правления он вышел из DPG, написав вот это прощальное письмо новому и уже «истинно арийскому» его руководителю:

«Уважаемый доктор Бём,

Похоже на то, что общее положение дел неизбежно повлияло на разрешение столь долго продолжающейся дискуссии в нашем сообществе. Я надеюсь, что

вы, по крайней мере, способны понять, что сейчас я делаю очень трудный для меня шаг, поскольку последние 24 года, основным содержанием которых была наша совместная работа для психоанализа вообще и для нашего сообщества в частности, являются, вероятно, самой важной частью моей жизни. Пожалуйста, удалите мое имя из реестра членов Германского психоаналитического общества. Объявляя о своей отставке, я мысленно пожимаю руки всем местным сотрудникам, коллегам и друзьям, всем тем, кто сделал эти годы в Берлине такими незабываемыми благодаря доверию, которое они оказывали мне так долго, и благодаря своей помощи. Я желаю всего наилучшего каждому из вас и нашему общему делу.

Ваш М.М.Е.»(архив DPG).

Строки письма, адресованного Лу Андреас Саломе, дают представление о том, насколько значимо для Эйтингона было это прощание со всей прожитой им ранее жизнью и всем, что он за эту жизнь сумел сделать: «... это действительно новая жизнь, которую нужно просто начать. В конце концов, весь старый мир превратился в руины...» (25 декабря 1933 г.).

31 декабря 1933 года Макс Эйтингон с тяжелым сердцем покинул Германию. Вопреки советам Фрейда и Джонса, предлагавшим ему перебраться в Великобританию или в Штаты, он, движимый своими сионистскими идеалами, принял решение поселиться в Палестине. Чем нанес серьезный урон планам Фрейда по контролю над постоянно конфликтующей с ним Американской психоаналитической ассоциацией путем внедрения в нее столь эффективного и столь преданного ему лично «психоаналитического менеджера». Правда, буквально накануне своего ухода с поста президента IPA Эйтингон все же нанес удар по «американской угрозе»: он распорядился трансформировать Американскую психоаналитическую ассоциацию в федерацию формально независимых локальных психоаналитических сообществ. Но сам в Америку не поехал, наперекор воле Фрейда и вопреки тому обстоятельству, что вся его семья и весь семейный бизнес находились именно там.

Эйтингон передал принадлежащее ему лично здание Берлинского психоаналитического института, со всей его обстановкой и всем его оборудованием Германскому психоаналитическому обществу. Волею обстоятельств, а можно даже сказать – по горькой иронии судьбы, это общество вскоре было распущено, а в помещении Института в 1936 году

разместился нацистский «Немецкий институт психологических исследований и психотерапии», объединивший под одной крышей «истинных арийцев» из числа германских психоаналитиков, адлерианцев и юнгианцев. А в кабинете Эйтингона разместился директор этого института Маттиас Генрих Геринг (1879-1945) – врач-психотерапевт, активист национал-социалистической партии, ученик Альфреда Адлера и двоюродный брат Германа Геринга. Именно ему принадлежала идея создания «немецкой психотерапии» как эклектичной смеси отдельных школ и направлений, изначально производных от фрейдовского психоанализа, но тщательно очищенных от «еврейского влияния».

На фото – кабинет Эйтингона в Берлинском институте психоанализа с портретом Мирры в центре

Именно с нацистскими убеждениями нового директора связаны обстоятельства, приведшие к тому, что здание Берлинского института психоанализа не сохранилось до наших дней: при штурме Берлина в апреле 1945 года Маттиас Геринг приказал спрятать в помещении Института, замаскированного под госпиталь и защищенного от бомбежек и обстрелов красным крестом, группу эсэсовцев. Которые оказали советским войскам активное сопротивление и были уничтожены вместе со всем институтским

зданием (сегодня мы имеем лишь фотографии его убранства, любовно подобранного Максом Эйтинггом). Сам же Маттиас Геринг был взят в плен и умер от дизентерии в июле 1945 года в советском лагерном госпитале.

Вплоть до сегодняшнего дня дискуссионным является вопрос о том, можно ли считать работу в этом нацистском Институте «истинно арийских» психоаналитиков Германии и Австрии (а остатки также «ариизированного» Венского психоаналитического общества нацисты приписали к этому же Институту) поводом для их обвинения в сотрудничестве с гитлеровским режимом. Единой позиции тут нет; в источниках по истории германского и австрийского психоанализа часто встречается утверждение, что только таким образом возможно было «спасение психоанализа» через его «катакомбное существование». Но в любом случае даже сегодня, по прошествии стольких лет, до нас доносятся отголоски обвинений и яростной критики, которые психоаналитики, вынужденные эмигрировать по причине их исключения из психоаналитических сообществ по расовому признаку, адресовали своим «расово безупречным» коллегам, продолживших работать в гитлеровском Рейхе. И не просто работать: из 168 сотрудников Института Геринга 63 человека были членами НСДРП...

Но есть в этой темной истории и светлое «пятно». Клиническим отделением Института, ставшего цитаделью «арийской психотерапии» (со специализацией в области антистрессовой и посттравматической терапии летчиков «Люфтваффе»), руководил Джон Риттмайстер (1898-1943) – невролог, психоаналитик цюрихской школы, участник антигитлеровского Сопротивления, сотрудничавший со знаменитой «Красной капеллой». В сентябре 1942 года он был арестован гестапо и вскоре казнен. Его имя мало кому известно, но его образ жив в советской киноклассике: в фильме «Щит и меч» он показан в образе врача-психотерапевта, в кабинете которого проходят встречи советского разведчика Вайса с его агентурой. И дополнительный штрих – доктор Риттмайстер входил в группу Сопротивления, которую возглавлял Харро Шульце-Бойзен, ставший одним из прототипов Отто фон Штирлица.

Иерусалим

В Иерусалиме Эйтингон построил дом, где разместил свои коллекции и библиотеку, причем с той же планировкой, что и его дом в Берлине. Но так и не успел пожить в нем. Семейный бизнес, от которого он находился в финансовой зависимости, понес тяжелые убытки и начало новой жизни было нелегким.

Постепенно в подмандатной Палестине сформировалась психоаналитическая группа. В марте 1933 года эмигрировал в Палестину и поселился в Тель-Авиве Моше (Моисей) Вульф, бывший председатель Российской психоаналитической ассоциации и профессор психоанализа и психотерапии в Московском университете, а затем – член Германского психоаналитического общества и сотрудник психоаналитического санатория Зиммеля в Берлине. Большим успехом пользовались его ознакомительные семинары по психоанализу для педагогов. В течение года приехали и другие аналитики из Германии: Анна Смелянски, давняя знакомая Эйтингона и первый ассистент Берлинского института, Илья Шалит, позднее ставший секретарем Палестинского общества, Килиан Блюм, который спустя несколько лет переехал в Америку. В это же время приехал и венский психиатр Мартин Паппенгейм. Эти шесть аналитиков обосновались в трех самых крупных городах региона – Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе – и начали там практиковать психоанализ. Они образовали группу учредителей Палестинского психоаналитического общества (Chewrah psychoanalytith b'Eretz Israel), созданного в конце сентября 1933 года. Президентом общества стал Макс Эйтингон; после его смерти в 1943 году президентом на следующие десять лет стал Моше Вульф (в 1948 году оно было переименовано в Психоаналитическое общество Израиля), который до самой своей смерти в 1971 году оставался его почетным президентом.

В 1934 году Макс Эйтингон основал психоаналитический тренинговый институт в Иерусалиме, который носит ныне его имя. При жизни Эйтингон поддерживал его из своих личных средств, подобно тому как он это делал в Берлинском институте. Вдобавок Эйтингон надеялся получить кафедру психоанализа в Еврейском университете и был неприятно удивлен тем, что Фрейд порекомендовал на этот пост кандидатуру Моше Вульфа. К тому же Вульф отказался сотрудничать с психоаналитическим институтом в Иерусалиме и в конце 1937 года открыл в Тель-Авиве вместе с Дэвидом

Идельсоном и Мартином Паппенгеймом собственный институт, специализирующийся на детском психоанализе.

Напряженность отношений между Эйтинггоном и Вульфом была преодолена лишь в 1939 году при посредничестве Анны Смелянски и Мартина Паппенгейма; после чего они стали совместно ввести психоаналитические курсы в Еврейском университете. После смерти Эйтингона по его завещанию в этот университет были переданы его библиотека и его научные коллекции.

Хотя Эйтингон хотел построить институт в Иерусалиме на основе берлинской модели, во многом ему это не удалось – в институте проходили подготовку только три кандидата, поликлиника пустовала. Магнитное поле Берлина как культурной столицы Европы привлекало в психоаналитический институт самых известных клиницистов и теоретиков психоанализа; Иерусалим же того времени был намного более провинциальным. Да и масштабы были не те: в начале 30-х годов численность еврейского населения всей Палестины не достигало и 300 тысяч человек, а Иерусалима – 50 тысяч. Кроме того, британская подмандатная администрация запретила «непрофессиональный», т.е. проводимый вне медицинских учреждений, психоанализ взрослых. Личность Эйтингона, похоже, тоже сыграла свою роль: у него была репутация блестящего организатора, но не клинициста и не теоретика психоанализа; в его институте, грубо говоря, не у кого и нечему было учиться. Но как организатор он и здесь был на высоте. Даже в тяжелых условиях изгнания и безденежья список организаций, которые он поддерживал, впечатляет (и здесь приведены далеко не все проекты, которым он покровительствовал): Музей еврейского искусства «Бецалель», президентом которого он был пожизненно; Консерватория музыки и драмы; Общество еврейских писателей; Общество друзей театра Габима; Еврейский национальный фонд; Еврейское агентство; Палестинская ложа Бнай-Брит; детские дома, дома для детей иммигрантов, поддержка детей из малообеспеченных семей и детей-инвалидов, школы для бездомных детей; противотуберкулезная Лига; Институт слепых; Общество глухонемых; учреждения самоуправления «ишува»⁴, и пр. Он жертвовал деньги иммигрантам, помогал им с их первыми шагами в стране, поддерживал исследователей, художников и студентов, принимал активное участие в

---

⁴ «Ишув» - собирательное название еврейского населения Палестины (Эрец-Исраэль), используемое до создания государства Израиль.

работе различных организаций: Объединении врачей Палестины, Комитета по делам детей и молодежи Еврейского национального совета, Комитета по поддержке еврейских беженцев в Европе, и др.

Влияние Эйтингона в психоаналитическом движении ослабевает

Перебравшись в Палестину, Эйтингон поддерживал связь с международной психоаналитической ассоциацией и ездил на конгрессы в Люцерне (1934 г.), Мариенбаде (1936 г.) и Париже (1938 г.), всегда пользуясь случаем, чтобы навестить Зигмунда и Анну Фрейд в Вене, затем (в августе 1938 года) – в Лондоне, а также – парижских друзей, коллег и родственников Мирры.

Эти поездки давались ему нелегко – после парижского Конгресса он пережил серьезный сердечный приступ и с тех пор, до самой смерти, страдал тяжелой формой стенокардии.

В качестве паст-президента IPA Эйтингон постоянно пытался помочь сформировать более эффективную модель управления международным психоаналитическим движением, но Эрнест Джонс как действующий президент и Анна Фрейд как секретарь IPA старательно задвигали его на второй план. Особенно разочарован он был потерей влияния Международной комиссии по обучению, которую он создал и которая изначально была высшим органом, принимающим решения по всем вопросам, связанным с психоаналитическим тренингом. И тем не менее, в знак признания своих заслуг, он оставался главой этой Комиссии до своей смерти в 1943 году, пробыв на этом посту почти двадцать лет.

Печальный финал

Эйтингон жил в тесном внутреннем контакте с Фрейдом и в августе 1939 года, когда состояние здоровья Фрейда ухудшилось, он собирался немедленно ехать в Лондон, но Анна Фрейд запретила ему это сделать. Когда в сентябре того же года Фрейд умер, Эйтингон впал в глубокую депрессию, и ему потребовалось много недель, чтобы написать Анне свои соболезнования.

Случайным образом письмо Фрейда Арнольду Цвейгу, проживавшему тогда в Палестине, от 10 февраля 1937 года попало в руки Эйтингона. В нем Фрейд небрежно и пренебрежительно высказывался о нем и особенно о Мирре. Эйтингон был настолько обижен этим, что, сделав копию, разорвал оригинал письма.

Вот весьма характерный отрывок из этого письма: «У нее [Мирры Эйтингон] кошачий характер, что мне тоже не нравится. Она с очарованием и изяществом играет заученную роль, только она больше не миленький котенок, она старше мужа и безвкусно обращается с остатками своей жизни. То, что было в ней подлинно человеческим, застряло в ее предыдущем существовании или полностью там истрачено. Предполагается, что она была актрисой. Были у нее еще мужья и двое сыновей... Наш друг наверняка приобрел ее для компенсации своих невротических проблем. У нее нет ни малейшего сочувствия к его интересам, друзьям, идеалам; то, что он говорит мне о ней – лицемерно. Она завидует всему этому, потому что это мешает ее исключительному владению мужем. Не знаю, значит ли он для нее больше, чем швейцар, дающий доступ ко всем видам бессмысленной роскоши и удовлетворяющий ее странные прихоти. Должна ли такая старуха иметь шкаф с сотней пар туфель, как она когда-то показала мне?».

Говоря откровенно, любой на месте Эйтингона не просто обиделся бы, но и оскорбился, прочитав такое о любимой жене и понимая, что написано это человеком, которого он фактически обожествлял, которому он преданно служил все эти годы, исполняя его прихоти (в том числе – исполняя просьбы о покупке весьма дорогостоящего антиквариата, которым у Фрейда были заполнены множество шкафов), оплачивая все его проекты и периодически пополняя своими средствами его семейный бюджет... Фрейдовские ревность и раздражение тоже можно понять, но не оправдать. Тем более, что он знал, что Арнольд Цвейг, живший в то время в Палестине (в первые годы эмиграции – на деньги Эйтингона и в его доме), друживший с Эйтингоном еще с 20-х годов, не сможет не уведомить о содержании этого письма своего друга.

Реакция Эйтингона поражает своей мудростью – он уничтожил оригинал письма и в книгу опубликованной переписки З.Фрейда и А.Цвейга (весьма, кстати, интересной и информативной) это письмо не было включено, как не имеющее подтверждения своей подлинности. Но сохранил его копию и переслал Анне Фрейд вместе со всеми полученными им от Фрейда письмами,

поскольку все, написанное Фрейдом, для него было сверхзначимо и было достойно сохранения. Некоторые исследователи полагают, что Фрейда раздражала жена Макса еще и потому, что, отвергнув в 1914 году сватовство Эрнеста Джонса к своей дочери Анне, он видел для нее идеального мужа именно в Максе Эйтингоне. Но тот в 1913 году женился на Мирре. Впрочем, это всего лишь предположение, документально ничем не подкрепленное.

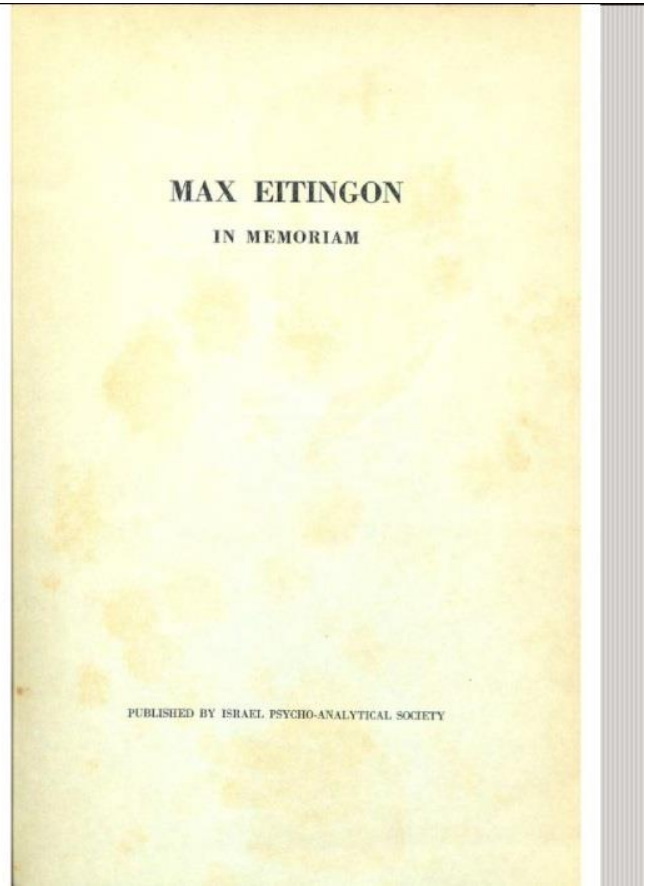
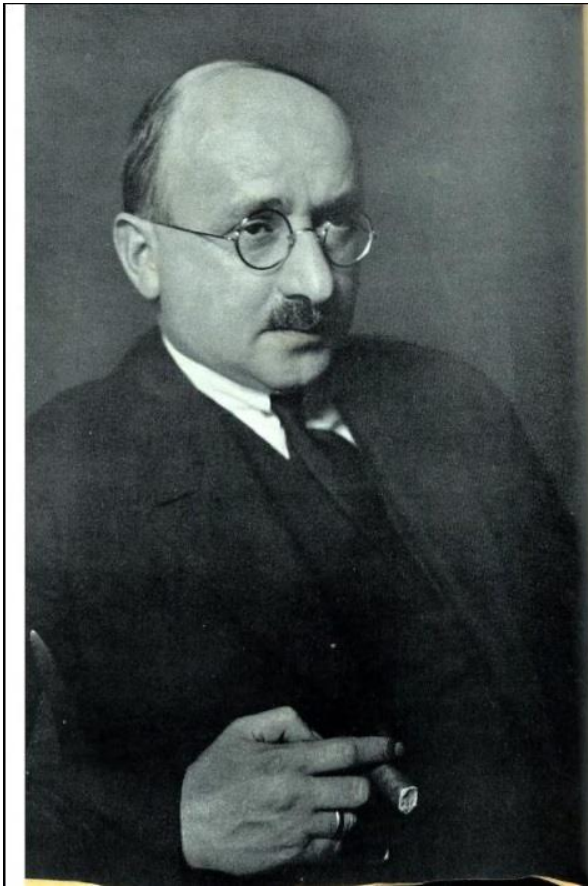
В конце жизни – в начале 40-х годов – финансовые ресурсы Эйтингона были полностью истощены. Ему пришлось выставить на продажу часть своего имущества, а также отчаянно искать ссуды у друзей, в частности – все у того же Арнольда Цвейга.

По случаю 60-летия Макса Эйтингона его друг Арнольд Цвейг в «Палестине пост» (27 июня 1941 г.) отдал дань уважения деятельности Макса Эйтингона, его человеческим качествам, такту, смирению и щедрости. Его почитали как одного из величайших из тогда практикующих психоаналитиков. Однако празднование в институте пришлось отменить, так как Макс Эйтингон находился в больнице. Не смог он присутствовать и на последнем большом приеме, который Мирра организовала в честь этого юбилея.

Когда Макс умер, ему было всего 62 года; похоронен он на кладбище на Елеонской горе. Мирре пришлось продать дом и всю обстановку, чтобы расплатиться с его денежными обязательствами. А сама она переехала в Тель-Авив к своей подруге Анне Смелянской. Умерла она в 1947 году в Париже, куда приехала повидаться с сестрой, но была похоронена в Иерусалиме рядом с мужем.

По инициативе Мирры и под редакцией Моисея Вульфа Палестинское психоаналитическое общество подготовило и издало памятную книгу: «Max Eitingon. In memoriam». Этот объемный (275 страниц) сборник, содержащий как воспоминания об Эйтингоне, так и теоретические статьи, ныне свободно доступен в Сети:

https://archive.org/details/1950_Max_Eitingon_in_memoriam_k/page/n289/mode/2up

CONTENTS

PREFACE 5

PART I: PERSONAL MEMORIES

ARNOLD ZWIG: in memoriam 9

DANIEL K. DREYFUSS: in memoriam 16

ERICH GUMBEL: in memoriam 22

ELLEN SIMON: in memoriam 30

ADOLF LANTZ: Persönliche Erinnerungen 34

M. NARKISS: in memoriam 44

HENRIETTA SZOLD: A letter to Dr. Eitingon on his 60 birthday 46

SIGMUND FREUD: Aus Zehn Jahre Berliner Psychoanalytisches Institut 47

ERNST SIMMEL: Zur Geschichte des Berliner Instituts 48

MAX EITINGON: Zur Einweihung der neuen Berliner Institutsräume 59

S. J. ACNON: Another Paper-Shed (Hebrew) 56

MOSHE SMILANSKY: in memoriam (Hebrew) 61

MARGOT KLAUSNER: in memoriam (Hebrew) 63

D. IDELSON: in memoriam (Hebrew) 65

ARIEH FEIGENBAUM: in memoriam (Hebrew) 67

MOSHE WULFF: in memoriam (Hebrew) 70

PART II: SCIENTIFIC ESSAYS

MAX EITINGON: Aus der Frühzeit der Psychoanalyse 73

ANNA FREUD: Probleme der Lehranalyse 80

MARIE BONAPARTE: Saint Christopher, Patron Saint of the motor-car drivers 95

DR. M. WULFF: An appreciation of Freud's "Masses and Morality" 114

MARGOT KLAUSNER: On the Mysteries of the Ancient 143

DR. A. ISSERLIN: A Totem Clan is created 179

DANIEL K. DREYFUSS: Delayed Effects of Traumatic War Neuroses and Freud's Death Instinct Theory 184

GERDA BARAG: From the Analysis of a case of Cleptomania 222

ALICE WEISSSTADTHAGEN: Pseudo-Deblility and Compulsion Neurosis 236

JOSEPH FRIEDJUNG: 5 Years Psycho-analytical Educational Work among Jewish Youth Immigrants 256

MARGARETE BRANDY: The first decade of the Palestine Institute for Psycho-analysis (Max Eitingon Institute) 1934-1944 265

Р.С. История с Плевицкой и похищением генерала Миллера

Рассказывая о Максе Эйтингоне, невозможно обойти скандальную историю, с которой частно, но безосновательно, пытаются связать его имя. В 1922-23 гг. берлинский дом Эйтингонов начинает посещать чета, с которой в истории русской эмиграции связана зловещий эпизод с похищением председателя Русского общевоинского союза (РОВС) генерала Евгения Карловича Миллера (1867–1939). Известная исполнительница русских народных песен и романсов Надежда Васильевна Плевицкая (1879–1940), которую современники за чарующий голос прозвали «курским соловьем», и ее муж, бывший белый генерал – командир Корниловской дивизии – Николай Владимирович Скоблин (1893–1937?), ставшие близкими друзьями Эйтингонов, оказались агентами советской разведки (Скоблин, которого за верховодство над ним жены злые языки окрестили «генералом Плевицким», возможно, был «двойным» или даже «тройным» агентом разных разведок мира).

На фото – комната в берлинском особняке Эйтингонов с портретом Надежды Плевицкой.

История эта, как всякая шпионская история вообще, несмотря на то, что вокруг нее сложилась уже солидная библиотека из различных показаний, свидетельств и источников, до нынешнего времени остается окутанной

непроницаемым покровом тайны и неразрешимых загадок. Касательно Эйтингона хорошо известно лишь то, что он материально поддерживал Плевицкую и среди прочих щедрот, например, оплатил издание ее мемуаров «Дёжкин карагод». А также то, что за несколько дней до похищения главы РОВСа чета Эйтингонов, уже несколько лет проживавших в Палестине, но много путешествующих, была в Париже, где жила семья сестры Мирры, и встречалась там с Плевицкой и Скоблиным. Но не более того... Все остальные «свидетельства» участия Макса Эйтингона в деле похищении генерала Е.К.Миллера, как и вообще о его связи с советской внешней разведкой, являются предположениями, основанными на том, что один из руководителей этой разведки - генерал Наум Исаакович Эйтингон – приходился ему дальним родственником (троюродным братом) по «могилевской» ветви огромного семейного древа Эйтингонов.

Любого рода домыслы о «финансировании психоаналитического движения агентами НКВД» через Макса Эйтингона отменяются хотя бы тем обстоятельством, что активные финансовые «вливания» в психоанализ Эйтингон совершал в период 1921-1928 годов, когда его родственник из НКВД сначала учился на Восточном отделении военной Академии (до 1924 года), а затем служил в советской резидентуре в Китае и Турции (1925-1929). В руководство же советской внешней разведки Наум Эйтингон, курировавший зарубежные спецоперации (т.е. убийство и похищения людей), попал только в 1932 году, когда его троюродный брат-психоаналитик уже эмигрировал в Палестину, передав полномочия президента ИРА Эрнесту Джонсу.

Точно же известно лишь следующее: генерал Миллер 22 сентября 1937 г. был приглашен генералом Скоблиным на встречу с представителями германского генштаба для обсуждения планов совместной борьбы с СССР. Вместо этого Скоблин привел его на конспиративную квартиру НКВД в Париже, где Миллер был схвачен и вывезен в Москву. Скоблин же в случае исчезновения председателя РОВС должен был, по плану советского руководства, занять его место. Однако перед тем как отправиться на свидание с немецкими военными, под видом которых скрывались чекисты, Миллер предусмотрительно написал письмо, из которого после его исчезновения становилось ясным, что произошло с генералом: письмо неопровержимо разоблачало предательство Скоблина. Последнему пришлось бежать (дальнейшая его судьба неизвестна), оставив Плевицкую в Париже. Занявшаяся ею французская полиция пришла к однозначному выводу о

прямой замешанности певицы в этом деле. Ее судили, признали виновной, приговорили к 20 годам заключения и свои дни она окончила в тюрьме.

Закрывая эту тему, следует дать слово и самому Макс Эйтингону, который следующим образом отреагировал на упоминания своего имени в еврейских газетах в связи с парижским похищением:

«С удивлением узнал я сегодня утром о том, что был связан с похищением русского генерала Миллера, о чем примерно год назад с содроганием прочитал в газетах.

Это верно, что г-жа Плевицкая и ее муж, генерал Скоблин, посещали нас, меня и мою жену, во время нашего пребывания в Париже, так же, как и несколько лет назад, когда мы жили в Берлине. Для многих читателей газеты «Ha-aretz» известно, что г-жа Плевицкая – популярная русская певица, и мы были ее поклонниками и друзьями.

Жуткие события, которые привели к суду, произвели на нас угнетающее впечатление. Однако вынесенный приговор не имеет ко мне никакого отношения, это дело французского суда.

В течение примерно 30 лет я имел в Берлине медицинскую практику, ни на что другое не отвлекаясь, кроме своих обязанностей врача, и здесь, в стране, я тоже не из самых безызвестных. Я сожалею, что перед тем, как публиковать материал о моей причастности к делу о похищении в местной печати, ко мне не обратились за разъяснениями» (Davar, 1938, n 4089, November 21; Ha-aretz, 1938, n XXI (5874), November 21).

Перечень некоторых психоаналитических публикаций Макса Эйтингона:

'Genie, Talent und Psychoanalyse', Zentralblatt für Psychoanalyse 2 (1912) 539-540.

'Gott und Vater', Imago 3 (1914), 90-93

'Ein Fall von Verlesen', Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse 3 (1915), 349-350.

'Zur psychoanalytischen Bewegung', Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse 8 (1922), 103-106.

'Report of the Berlin Psychoanalytical Polyclinic', Bulletin of the International Psychoanalytical Association 4 (1923), 254-261.

'Concluding remarks on the question of lay analysis', International Journal of Psycho-Analysis 8 (1927), p. 399-401

'Report of Marienbad Congress', International Journal of Psycho-Analysis 18 (1937), p. 351-360.

'Zur Einweihung der neuen Berliner Institutsräume', in M. Wulff (ed.) Max Eitingon: in memoriam, Jerusalem: Israel Psychoanalytic Society, 1950, p.50-55

'Aus der Fruehzeit der Psychoanalyse', in M. Wulff (ed.) Max Eitingon: in memoriam, Jerusalem: Israel Psychoanalytic Society, 1950, p. 73-79.